

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного процесса

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему «ИНСТИТУТ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ)»

Выполнил

Анохов Иван Алексеевич

обучающийся по специальности

40.05.01 Правовое обеспечение

национальной безопасности

2021 года набора, 113 учебного взвода

Руководитель

Старший преподаватель кафедры

Ирнарзорова Гульнара Зуфаровна

К защите _____

рекомендуется / не рекомендуется

Начальник кафедры _____

В.С. Латыпов

подпись

Дата защиты «__» _____

2026 г. Оценка _____

ПЛАН

Введение.....	3
Глава 1 Содержание принципа неприкосновенности личности	7
§ 1 Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства	7
§ 2 Роль принципа неприкосновенности личности в реализации назначения уголовного судопроизводства	13
Глава 2 Гарантии реализация принципа неприкосновенности личности	1
§ 1 Пределы ограничения неприкосновенности личности на стадии предварительного расследования	19
§ 2 Уголовно-процессуальные гарантии неприкосновенности личности	29
§ 3 Проблемы реализации принципа неприкосновенности личности и пути их решения	39
Заключение	48
Список использованной литературы.....	51
Приложение 1	57
Приложение 2	57

Введение

В Конституции Российской Федерации закреплено, что приоритетной ценностью является человек, его права и свободы (ст. 2). Обязанностью государства выступают признание, обеспечение и защита прав и свобод каждого гражданина. Право на неприкосновенность личности носит естественный, неотчуждаемый характер и служит фундаментальной гарантией личной свободы.

Статья 22 Конституции Российской Федерации в своей первой части провозглашает право на личную неприкосновенность. Вместе с тем часть 2 той же статьи предусматривает возможность его ограничения в строго определённых ситуациях – в частности, путем помещения лица под стражу по судебному решению либо задержания на период, не превышающий 48 часов. Указанные конституционные положения нашли дальнейшее развитие и конкретизацию в нормах уголовно-процессуального права, где сформулирован принцип неприкосновенности личности как один из ключевых принципов уголовного судопроизводства.

Поскольку речь идёт о конституционной гарантии, любое вмешательство в право на неприкосновенность должно рассматриваться как исключение и сопровождаться процессуальной регламентацией. Уголовно-процессуальное законодательство определяет процедуры и основания для законного ограничения этого права, однако на практике нередки случаи, когда неприкосновенность личности нарушается без достаточных процессуальных оснований.

Статистические данные демонстрируют устойчивую, но заметно трансформирующуюся практику применения заключения под стражу в России. Так, по данным ФСИН, на начало 2023 года в СИЗО и колониях находились около 433 000 человек – это на 33 000 меньше по сравнению с предыдущими показателями на начало 2022 года.

Однако уже к началу 2025 года общее число заключённых снизилось до примерно 313 000 человек – снижение почти на 120 000 за два года, что свидетельствует о существенных структурных изменениях в применении меры пресечения, а также происходящей гуманизации уголовно-исполнительной системы.

Кроме того, в конце 2024 года в следственных изоляторах содержалось около 88 500 человек, что стало минимальной отметкой за последние три десятилетия и свидетельствует о значительном снижении числа лиц, содержащихся в предварительном заключении по сравнению с предыдущими годами¹.

Динамика численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, представлена в приложении 2.

Принцип неприкосновенности личности в уголовном процессе Российской Федерации является предметом давних научных исследований. В функциональном и теоретическом аспектах изучаются как содержательная сторона правовой категории, так и пределы допустимого её ограничения. Значительная часть научной литературы посвящена вопросам применения процессуальных мер принуждения, в том числе задержания и содержания под стражей, а также гарантиям, препятствующим произвольным действиям властных структур.

Объект исследования – это отношения, которые возникают при реализации и ограничении права на личную неприкосновенность. Предмет уже: нормы уголовно-процессуального права, а именно те, что регламентируют принцип неприкосновенности личности и меры процессуального принуждения, связанные с его ограничением.

Цель работы – провести правовой анализ сущностных характеристик принципа неприкосновенности личности в уголовном процессе, выявить

¹ Федеральная служба исполнения наказаний России. Сводные статистические сведения о деятельности уголовно-исполнительной системы за 2022–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 25.01.2026).

проблемные места в его реализации и предложить практические рекомендации. Для достижения этой цели мы поставили и решили следующие задачи:

- определить, какое место занимает принцип неприкосновенности личности среди других принципов уголовного процесса;
- выяснить, какую роль этот принцип играет в достижении целей уголовного судопроизводства;
- раскрыть, в каких пределах и при каких условиях допустимо ограничивать право на личную неприкосновенность на следственных и судебных стадиях;
- охарактеризовать процессуальные гарантии, которые обеспечивают неприкосновенность личности;
- наконец, выявить существующие пробелы и практические трудности при реализации принципа и предложить, как их можно устранить.

В методологическую основу исследования легли системный подход, а также сочетание общенаучных и частно-научных методов. Из общенаучных мы применяли анализ, синтез, обобщение и формально-логический метод. Из частно-научных – формально-юридический, сравнительно-правовой и другие специализированные приёмы.

Нормативно-правовую базу исследования составили Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»¹, а также Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»².

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

Работа состоит из введения, двух глав (в общей сложности пяти параграфов), заключения и перечня использованных источников и литературы. В заключительной части представлены практические рекомендации по совершенствованию механизмов обеспечения неприкосновенности личности в уголовном процессе.

Глава 1 Содержание принципа неприкосновенности личности

§ 1 Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства

Принципы уголовного процесса закреплены в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В действующей редакции кодекса насчитывается шестнадцать таких принципов, являющихся нормативно-идеологической основой уголовного судопроизводства¹. В научной литературе им придают следующее содержание: это юридически оформленные руководящие положения и мировоззренческие установки, которые фиксируют наиболее общие и существенные свойства уголовного процесса, отражают его природу, социальную направленность и задают базовые правила процессуальной деятельности.

В совокупности принципы главы 2 УПК РФ образуют фундамент, на котором строится вся система уголовного процесса. Исследователи отмечают, что только их согласованная система способна обеспечить достижение поставленных задач уголовного судопроизводства. Так, система принципов рассматривается как логически упорядоченная совокупность общих мировоззренческих идей о должном в уголовном судопроизводстве, которые в своих проявлениях и взаимосвязях с целями процесса формируют его сущность. Только система принципов в их совокупности может гарантировать достижение целей уголовного процесса².

В отечественной доктрине сформированы различные подходы к классификации принципов уголовного процесса. Предложены разные критерии построения системы принципов, среди которых: закреплённость принципов в нормативной базе; выражение ими содержания процессуальных

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2015. С. 45.

правоотношений; их связь с государственной уголовно-процессуальной политикой с учётом международных стандартов по правам человека; универсальность для всех стадий процесса; а также их регулирующее и охранительное воздействие на весь комплекс уголовно-процессуальных норм. Упоминаются также классификации по происхождению принципа (источнику закрепления), по степени их общности, по сфере действия и по типам уголовного процесса¹.

Таким образом, в учёной среде отсутствует единое мнение о лучшей системе классификации – это объясняется многоаспектностью принципов и их функциональной зависимостью от предмета и целей исследования. Упорядоченность принципов проявляется в том, что в УПК они представлены определённым системно-классификационным порядком, но конкретные градации и критерии остаются предметом научного обсуждения.

Чтобы понять, какое место занимает принцип неприкосновенности личности среди других принципов уголовного процесса, нужно сначала определить, что это вообще за принцип и каково его содержание. В УПК РФ он закреплён в статье 10. Однако сама эта статья не даёт развёрнутого терминологического определения понятия «неприкосновенность личности». Его приходится собирать по частям – из научной доктрины и смежных отраслей права.

Термин «неприкосновенность» в разных правовых областях понимается по-разному – и это зависит от того, на чём сосредоточена конкретная отрасль. Возьмём гражданское право. Здесь регулируются имущественные и связанные с личностью неимущественные отношения, поэтому акцент делается на охрану собственности, жилища, авторства, чести и деловой репутации. В информационном праве «неприкосновенность» связывают прежде всего с защитой персональных данных: речь идёт о порядке их сбора, хранения и передачи в условиях цифровых технологий. В целом же под

¹ Давлетов А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учеб. пособие. Екатеринбург, 2022. С. 52.

неприкосновенностью понимают запрет на незаконное вмешательство в конституционные права и свободы человека и гражданина.

Понятие «личность» тоже трактуется по-разному в зависимости от научной области. В философской традиции проводят различие между «человеком» и «личностью». Личность здесь – это субъект, который прошёл процесс становления, обладает определённым уровнем сознания и социально значимыми качествами. Юридическая литература иногда поддерживает ту же логику: личностью не рождаются, личностью становятся, – и обращают внимание на возрастные и психические критерии, которые влияют на правовой статус субъекта¹.

Однако конституционно-правовой подход заметно шире. Глава 2 Конституции РФ называется «Права и свободы человека и гражданина», и конституционные положения прямо провозглашают, что основные права и свободы принадлежат каждому от рождения и неотчуждаемы. Часть 1 статьи 22 Конституции закрепляет право «каждого» на свободу и личную неприкосновенность. А значит, термин «каждый» охватывает любого человека и гражданина – независимо от того, признаётся ли он «личностью» в философско-психологическом смысле. Та же логика прослеживается и в материальном праве. Разделы уголовного законодательства, названные «преступления против личности», на самом деле ориентированы на охрану прав и свобод людей в широком смысле – включая составы, направленные на защиту от незаконного лишения свободы и других посягательств.

Что же входит в само право на неприкосновенность личности? Здесь можно выделить несколько измерений. Во-первых, физическая неприкосновенность: жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, половая свобода. Во-вторых, нравственная неприкосновенность: честь, достоинство, нравственная свобода. В-третьих, психическая неприкосновенность – нормальное течение психических процессов. И наконец, личная безопасность

¹ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б.Т. Безлепкин. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. С. 103-144.

как возможность распоряжаться собой и своим временем, свободно определять место пребывания и не находиться под беспричинным наблюдением или охраной. Аналогичные представления встречаются и в конституционно-правовой доктрине, где физическая и психическая неприкосновенность рассматриваются как элементы более широкой категории «свобода»¹.

Собственно, именно многомерность понятия «неприкосновенность личности» обуславливает сложность его правового закрепления и процессуального обеспечения: необходимо одновременно защищать телесную целостность, нравственные и психические интересы лица, а также гарантировать его автономию и безопасность. На наш взгляд, правоприменительная практика выиграла бы от формулирования в законодательстве более чёткой дефиниции термина «неприкосновенность личности», а также от указания на систему взаимосвязанных гарантий, направленных на реализацию каждого из выделенных аспектов. Это позволило бы снизить количество спорных ситуаций, связанных с толкованием норм и соизмерением ограничений прав и конституционных гарантий².

В УПК РФ закреплён именно принцип неприкосновенности личности, а не само субъективное право на неприкосновенность, провозглашённое в статье 22 Конституции РФ. В теоретическом плане эти явления не тождественны: конституционное право выступает в качестве субъективной гарантии, предоставленной каждому человеку, тогда как процессуальный принцип представляет собой методологическую и организационную основу, определяющую порядок осуществления уголовно-процессуальной деятельности и обязывающую государственные органы и должностных лиц обеспечивать реализацию указанного права.

В доктрине уголовно-процессуального права под принципом понимается базовое, концептуальное положение, задающее вектор развития всей

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 67.

² Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / Л.А. Воскобитова; под общ. ред. В. М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 43.

процессуальной деятельности и выполняющее функцию важнейшей процессуальной гарантии. Как справедливо отмечается в литературе, простое «дублирование» конституционного положения в тексте УПК РФ без формирования надлежащего институционального обеспечения не способно самостоятельно гарантировать эффективную защиту прав и свобод человека. Принципу неприкосновенности личности традиционно отводится роль системообразующего начала, действие которого распространяется на все стадии уголовного судопроизводства¹.

Анализ нормативного материала показывает, что конституционное право на свободу и личную неприкосновенность находит свое выражение не только в ст. 10 УПК РФ, непосредственно посвященной неприкосновенности личности, но и в иных процессуальных нормах – в частности, в положениях, направленных на обеспечение уважения чести и достоинства, а также на охрану прав и свобод участников уголовного судопроизводства. Кроме того, охрану неприкосновенности личности обеспечивают нормы материального уголовного права, устанавливающие ответственность за соответствующие виды посягательств.

Содержание анализируемого процессуального принципа включает несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, принцип фиксирует исчерпывающий перечень оснований, при которых допустимо ограничение неприкосновенности личности – прежде всего, применение мер процессуального принуждения (задержание, заключение под стражу) и производство отдельных следственных действий. Перейдём к содержательным требованиям, которые принцип неприкосновенности личности предъявляет к законности и порядку применения мер процессуального принуждения. Речь идёт о нескольких взаимосвязанных моментах. Во-первых, необходимо строго соблюдать установленные законом сроки задержания и содержания под стражей. Во-вторых, важно обеспечить такие условия содержания, которые

¹ Гимазетдинова И.Н. Уголовное дело как комплексная документальная форма представления результатов уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук / И.Н. Гимазетдинова. М., 2024. С. 56.

исключали бы угрозу жизни и здоровью. И наконец, сюда же относятся иные процессуальные гарантии. Но и это ещё не всё. Принцип включает в себя также компонент личной безопасности: ограничительные меры ни в коем случае не должны превращаться в средство унижения человеческого достоинства или инструмент произвольного воздействия на личность.

Стоит специально подчеркнуть, что в уголовно-процессуальном смысле неприкосновенность личности охватывает не только физическую сферу, но и психическую, и нравственную. Законодательство, к слову, предусматривает механизмы компенсации вреда, причинённого неправомерным ограничением свободы и иными формами процессуального принуждения. Речь идёт, например, о возмещении морального вреда лицам, незаконно подвергшимся задержанию или содержанию под стражей (статья 133 УПК РФ). Данное обстоятельство подтверждает, что правовая система признает вред, причиняемый не только физическому здоровью, но и внутренней, психической сфере личности.

Практически применение мер, связанных с лишением или ограничением свободы, зачастую сопряжено с иными посягательствами на личную неприкосновенность: личный обыск, временное ограничение свободы передвижения и общения, контроль над информацией о лице и др. В связи с этим при оценке допустимости производства тех или иных следственных и процессуальных действий суду и следствию надлежит соизмерять необходимость их проведения с тяжестью предполагаемого преступления, наличием достаточных оснований и соблюдением установленных процессуальных гарантий¹.

Вопрос о месте принципа неприкосновенности личности в системе принципов уголовного процесса решается в науке неоднозначно. По источнику нормативного закрепления данный принцип относится к конституционным (общеправовым) началам. По типу процесса он коррелирует с принципами

¹ Дикарев И.С. Право на защиту в уголовном судопроизводстве: монография / И.С. Дикарев. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 29-33.

состязательности и равноправия сторон, обеспечивая баланс публичных и частных интересов. По сфере действия – относится к функциональным (судопроизводственным) принципам. В ряде научных подходов ему также отводится институциональный статус, поскольку реализация принципа проявляется специфически в рамках определенной процессуальной модели¹.

Таким образом, принцип неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве представляет собой многокомпонентное правовое явление, которое не сводится к простому дублированию конституционного права на свободу и личную неприкосновенность в тексте УПК РФ. Данный принцип выполняет системообразующую функцию, охватывая не только физическую, но и психическую, нравственную сферы личности, закрепляя исчерпывающие основания ограничения неприкосновенности, устанавливая процессуальные гарантии законности применения мер принуждения и предусматривая механизмы компенсации причиненного вреда. Разграничение конституционного права (как субъективной гарантии) и процессуального принципа (как методологической и организационной основы) имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет более точно определить пределы допустимого ограничения прав личности в ходе производства по уголовному делу и обеспечить эффективную реализацию соответствующих гарантий.

§ 2 Роль принципа неприкосновенности личности в реализации назначения уголовного судопроизводства

Прежде чем переходить непосредственно к принципу неприкосновенности личности, стоит осмыслить ту фундаментальную роль, которую все принципы уголовного судопроизводства играют в правовой системе в целом. Именно они задают вектор развития уголовного процесса,

¹ Давлетов А.А. Указ соч. С. 60.

формируют его правовую основу и обеспечивают достижение целей правосудия. В научной литературе обоснованно отмечается: нарушение хотя бы одного принципа деформирует всю процессуальную конструкцию. Без него полноценное осуществление задач уголовного судопроизводства становится фактически невозможным. Иными словами, принципы выполняют роль своеобразного каркаса, на котором держится вся система уголовно-процессуального права¹.

Но это не единственная их функция. В доктрине неоднократно подчёркивалось: принципы – это ещё и инструментарий, позволяющий соизмерять любые процессуальные решения и действия с требованиями законности и справедливости. Они служат критерием для оценки качества правоприменительной практики. Благодаря принципам можно определить, соответствует ли конкретный институт уголовного процесса задачам защиты прав личности и интересов государства. Более того, принципы не просто закрепляют приоритет прав человека в этой сфере – они выступают индикатором того, насколько высока правовая культура и общества, и государства.

Какие же ключевые функции принципов уголовного процесса традиционно выделяет юридическая наука? Попробуем их перечислить. Во-первых, принципы выражают саму сущность уголовного судопроизводства, отражают его основные черты. Во-вторых, они задают базовую основу для конструирования всей системы норм процессуального права. В-третьих, обеспечивают гарантии прав и законных интересов участников процесса. И наконец, любое отступление от принципиальных положений признаётся основанием для отмены незаконных и необоснованных решений. Значит, роль принципов не ограничивается нормативной регламентацией. Они работают на реальную справедливость и эффективность уголовного судопроизводства².

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ соч. С. 52.

² Давлетов А.А. Указ соч. С. 75.

Обращаясь непосредственно к принципу неприкосновенности личности, следует подчеркнуть, что он является одной из важнейших правовых гарантий, обеспечивающих баланс между публичными интересами государства и частными правами гражданина. Данный принцип охраняет личную свободу и достоинство человека, не позволяя государственным органам произвольно вмешиваться в сферу его личных прав¹

Для более глубокого раскрытия значения принципа неприкосновенности личности необходимо соотнести его с задачами уголовного процесса. Проблематика заключается в том, что в отличие от уголовного законодательства, где в ст. 2 УК РФ прямо сформулированы его задачи, УПК РФ не содержит аналогичной нормы. Современный законодатель отказался от прямого употребления термина «задачи» и закрепил более нейтральное понятие «назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 УПК РФ). При этом в научной литературе обоснованно указывается, что термин «назначение» фактически тождественен понятию «цель», что позволяет рассматривать их в едином контексте.

Целями уголовного судопроизводства, как известно, являются защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а также охрана личности от незаконного обвинения, осуждения и необоснованного ограничения её прав и свобод. Для достижения указанных целей необходимо решение целого комплекса задач: осуществление уголовного преследования виновных лиц, правильное применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства, назначение справедливого наказания виновным, обеспечение возмещения ущерба, отказ от преследования невиновных и их последующая реабилитация, а также защита участников процесса от возможных угроз их безопасности.

Соотнося перечисленные задачи с принципом неприкосновенности личности, можно выделить несколько его аспектов. Так, уголовное

¹ Конституция Российской Федерации (принята 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. - URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 10.01.2026).

преследование, согласно легальному определению, представляет собой деятельность органов обвинения по установлению причастности лица к совершению преступления. В этой связи ограничение личной свободы может применяться только как процессуальная мера, прямо вытекающая из необходимости реализации уголовного преследования. Таким образом, принцип неприкосновенности личности служит гарантией того, что задержание и заключение под стражу не будут произвольными, а будут опираться на законные основания¹.

Особое значение данного принципа проявляется при реализации задачи правильного применения законодательства. Судебная практика здесь едина: только решение суда, вынесенное с учётом всех обстоятельств дела, может служить основанием для ограничения свободы личности. Если это правило нарушено, меры процессуального принуждения признаются незаконными, и у государства возникает обязанность компенсировать причинённый ущерб².

Но принцип неприкосновенности личности не живёт изолированно – он тесно связан с обеспечением справедливости наказания. Напомним: согласно статье 6 УК РФ, справедливость в уголовно-правовом смысле означает, что наказание должно быть соразмерно тяжести преступления. В процессуальном же аспекте это требование оборачивается простым, но жёстким правилом: лишение свободы допустимо только тогда, когда лицо подозревается или обвиняется в деянии, за которое закон реально предусматривает такую меру. Как справедливо отмечают исследователи, этот принцип как раз и мешает чрезмерному или неправомерному применению самой строгой меры пресечения.

Есть и ещё одна важная связь. Реализация принципа неприкосновенности личности напрямую выходит на задачу реабилитации тех, кто пострадал от незаконного уголовного преследования. Закон однозначно требует немедленно

¹ Епихин А.Ю. Иммунитеты в уголовном процессе: теоретические и прикладные аспекты: монография / А. Ю. Епихин, М. Т. Аширбекова. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 77.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу» // Российская газета. 2013. № 294.

освободить лицо, если задержание или заключение под стражу были незаконными (статья 10 УПК РФ). И этого мало – государство обязано ещё и компенсировать причинённый материальный и моральный вред в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ. В этом проявляется компенсаторная функция принципа неприкосновенности: восстановить нарушенные права и хотя бы отчасти восстановить социальную справедливость.

Подводя итог, можно сказать, что принцип неприкосновенности личности пронизывает практически все задачи уголовного судопроизводства. Он постоянно соотносится с назначением уголовного процесса, закреплённым в статье 6 УПК РФ. Его центральное значение – гарантировать, чтобы любые ограничения личной свободы были законными и обоснованными, не допускать произвола и обеспечивать судебный контроль над действиями следственных органов.

В доктрине уголовно-процессуального права следует разграничивать два взаимосвязанных, но не тождественных понятия – «право на личную неприкосновенность» и «принцип неприкосновенности личности». Первое отражает субъективное право каждого человека, закреплённое в Конституции РФ (ст. 22), тогда как второе выступает в качестве фундаментального положения уголовного процесса, определяющего пределы и условия применения мер процессуального принуждения¹.

Кроме того, неприкосновенность личности охватывает не только физическую свободу, но и моральный аспект – защиту человеческого достоинства и запрет унижающего обращения, что корреспондирует со ст. 21 Конституции РФ. Именно поэтому корректнее было бы рассматривать данный принцип в единстве свободы и неприкосновенности личности. Его конституционная природа и закреплённость в международных правовых актах (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод) позволяют отнести его к числу общеправовых (конституционных) принципов,

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ соч. С. 60.

которые одновременно имеют функциональное и процессуальное значение в уголовном судопроизводстве¹.

Резюмируя изложенное, значение принципа неприкосновенности личности для решения задач (назначения) уголовного процесса заключается в обеспечении справедливого баланса между публичным интересом общества в борьбе с преступностью и необходимостью охраны прав каждого человека. Данный принцип гарантирует сразу три важные вещи. Во-первых, применение мер процессуального принуждения должно строго соответствовать закону. Во-вторых, оно находится под судебным контролем. И в-третьих, принцип не допускает необоснованного лишения свободы. При этом неприкосновенность личности неразрывно связана с уголовно-правовым принципом справедливости. Именно эта связь задаёт пределы применения самой строгой меры пресечения – заключения под стражу. Кроме того, здесь же реализуется и компенсаторная функция. Речь идёт об институте реабилитации, который как раз и направлен на восстановление прав лиц, незаконно подвергшихся уголовному преследованию.

Разграничение субъективного конституционного права и процессуального принципа имеет не только теоретическое, но и практическое значение, позволяя более четко определить механизмы реализации и защиты личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве.

¹ Зайцева Е.А. Гарантии независимости участников уголовного судопроизводства: монография / Е.А. Зайцева. М.: Юстиция, 2025. С. 76-78.

Глава 2 Гарантии реализация принципа неприкосновенности личности

§ 1 Пределы ограничения неприкосновенности личности на стадии предварительного расследования

В первой главе настоящей выпускной квалификационной работы было показано, что наибольшее ограничение конституционного права на личную неприкосновенность в уголовном судопроизводстве связано с применением мер процессуального принуждения, прежде всего таких, как задержание подозреваемого и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу. Указанные меры затрагивают сферу личной свободы лица и потому требуют строгого нормативного регулирования и точного соблюдения установленных законом условий их применения.

Уголовно-процессуальный закон раскрывает содержание института задержания в нескольких положениях ст. 5 УПК РФ. Так, в пункте 11 части 1 данной статьи задержание определяется как мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем либо следователем в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, на срок, не превышающий 48 часов с момента фактического лишения его свободы. Одновременно пункт 15 части 1 ст. 5 УПК РФ раскрывает понятие момента фактического задержания, под которым понимается реальное ограничение свободы передвижения подозреваемого, осуществляемое в порядке, установленном ст. 92 УПК РФ¹.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном законодательстве закреплено двойственное понимание задержания: с одной стороны, как юридически оформленной процессуальной меры, а с другой – как фактического лишения свободы лица. В научной литературе это обстоятельство традиционно рассматривается как различие между фактическим и уголовно-процессуальным (юридическим) аспектами

¹ См. Приложение 1.

задержания¹. При этом законодатель последовательно разводит данные категории, закрепляя их в разных нормах УПК РФ.

Следует отметить, что указанная двойственность правовой природы задержания нередко порождает сложности в правоприменительной практике, связанные, в частности, с определением начального момента исчисления срока задержания и оценкой законности действий должностных лиц. Данные проблемы будут подробно проанализированы в § 2.3 настоящей работы. В рамках же данного параграфа целесообразно остановиться на ключевых правовых условиях и основаниях применения задержания².

Один из базовых критериев, определяющих, допустимо ли задержание, – это санкция уголовно-правовой нормы, по которой лицо подозревается в совершении преступления. Часть 1 статьи 91 УПК РФ устанавливает: ограничение личной неприкосновенности в форме задержания возможно только тогда, когда за это преступление закон предусматривает наказание в виде лишения свободы. Иными словами, сама возможность назначить такой вид наказания – необходимое условие для применения данной меры процессуального принуждения.

Приведём пример. Человека, которого подозревают в совершении преступления по статье 151.1 УК РФ, задержать нельзя – санкция там ограничивается штрафом либо исправительными работами, лишения свободы нет. А вот если речь идёт о части 1 статьи 151 УК РФ, задержание уже допустимо: санкция включает лишение свободы на срок до четырёх лет.

В части 3 статьи 91 УПК РФ законодатель ввёл дополнительное ограничение (Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ). Согласно этому положению, задержание не допускается, если истекли сроки давности уголовного преследования. Смысл правила простой: необоснованно

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ соч. С. 145.

² Казначей И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Казначей. Волгоград, 2015. С. 15.

ограничивать права тех, в отношении кого государство уже утратило право на уголовное преследование, нельзя¹.

Сроки давности уголовной ответственности зависят от категории преступления и закреплены в части 1 статьи 78 УК РФ. Для преступлений небольшой тяжести срок давности – два года. А для преступлений террористической направленности сроки давности не применяются вовсе (часть 5 статьи 78 УК РФ).

Впрочем, из общего правила о недопустимости задержания по истечении сроков давности есть исключение. Часть 3 статьи 91 УПК РФ допускает задержание лиц, подозреваемых в преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы. Это положение корреспондирует с частью 4 статьи 78 УК РФ, где сказано, что вопрос о сроках давности по таким преступлениям относится к исключительной компетенции суда.

Теперь о непосредственных основаниях задержания. Они детально прописаны в частях 1 и 2 статьи 91 УПК РФ. Закон предусматривает шесть альтернативных оснований: достаточно хотя бы одного, чтобы применить эту меру. Итак, задержать можно, когда лицо застигнуто при совершении преступления или сразу после него; когда потерпевшие или очевидцы прямо указывают на него как на преступника; когда на нём, его одежде, при нём или в его жилище обнаружены явные следы преступления; когда оно пыталось скрыться; когда у него нет постоянного места жительства или его личность не удаётся установить. И ещё одно основание – направление в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу².

Порядок осуществления задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве регламентируется ст. 92 УПК РФ. Вместе с тем соответствующие процессуальные требования не ограничиваются рамками

¹ О внесении изменений в УПК РФ: федер. закон от 13.06.2023 № 220-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023.

² Киселева, И.А. Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства России : монография / И.А. Киселева. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 43.

указанной статьи и закреплены также в ряде иных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, что обуславливает необходимость их комплексного и системного анализа.

Так, постановление о возбуждении уголовного дела содержит обоснование наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, что соответствует требованиям ст. 140 УПК РФ¹.

Применение задержания подозреваемого как меры процессуального принуждения предполагает наличие предусмотренных законом оснований, свидетельствующих о возможной причастности лица к совершению преступления. Такие основания формируются на основе результатов проверки сообщения о преступлении и получают процессуальное закрепление в решении о возбуждении уголовного дела. Постановление о возбуждении уголовного дела содержит вывод уполномоченного должностного лица о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, что соответствует требованиям статьи 140 УПК РФ. Следовательно, возбуждение уголовного дела выступает необходимой процессуальной предпосылкой для дальнейшего применения мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе задержания подозреваемого. Наличие указанной взаимосвязи обеспечивает законность ограничения права на личную свободу и позволяет осуществлять последующие процессуальные действия в установленном законом порядке.

Исходя из совокупного толкования положений УПК РФ, можно выделить несколько ключевых этапов и процессуальных гарантий, обеспечивающих законность задержания и защиту прав подозреваемого.

Прежде всего, после фактического лишения лица свободы передвижения оно подлежит немедленному доставлению к следователю либо дознавателю. В течение не более трёх часов с момента доставления должно быть оформлено соответствующее процессуальное решение – протокол задержания. Следует отметить, что в научной доктрине высказываются различные точки зрения

¹ Материалы уголовного дела № 111122*** // Архив следственного органа, 2025.

относительно допустимости фактического задержания до возбуждения уголовного дела. Однако независимо от момента фактического ограничения свободы, составление протокола задержания возможно исключительно в рамках уже возбужденного уголовного дела, а его содержание строго регламентировано ч. 2 ст. 92 УПК РФ.

Второй важной гарантией законности задержания выступает обязанность органа расследования уведомить прокурора о факте применения данной меры процессуального принуждения. Такое уведомление должно быть осуществлено в письменной форме не позднее 12 часов с момента задержания, что позволяет обеспечить прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод подозреваемого на ранней стадии уголовного процесса.

В течение 24 часов с момента фактического задержания подозреваемый подлежит обязательному допросу, что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 46 УПК РФ. Данное требование направлено на недопущение неоправданного ограничения свободы лица без выяснения его позиции по существу подозрений, выдвигаемых органами предварительного расследования¹.

Существенное значение имеет и право подозреваемого на защиту. В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46, а также п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, лицо приобретает право на помощь защитника с момента фактического задержания. При этом участие защитника является обязательным при последующем оформлении протокола задержания, что закреплено в ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ. Данная норма направлена на усиление процессуальных гарантий и предупреждение возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Так, в одном из рассмотренных судом дел гражданин Р., объявленный в розыск, был задержан на законных основаниях в соответствии с п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 91 УПК РФ, а также ч. 3 ст. 210 УПК РФ, поскольку очевидцы прямо указали на него как на лицо, совершившее преступление². Протокол

¹ Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном процессе России: учебное пособие / Н.Н. Ковтун. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 65-67.

² Постановление мирового судьи судебного участка № 342 Красногорского судебного района Московской области от 15 ноября 2023 г. по делу № 1-91/2023 [Электронный ресурс].

задержания был составлен с участием защитника – адвоката Киселевой М.В. и полностью соответствовал требованиям ст. 92 УПК РФ. В дальнейшем, при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд учёл соблюдение установленного порядка задержания и надлежащее обеспечение прав подозреваемого.

В другом случае предметом рассмотрения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации стали кассационные жалобы осуждённых и их защитников на приговор Волгоградского областного суда от 18 ноября 2009 г. В жалобах указывалось, в том числе, на нарушение права на защиту, связанное, по мнению стороны защиты, с несоблюдением процессуальных требований при задержании¹.

Оставляя доводы кассационных жалоб без удовлетворения, Судебная коллегия Верховного Суда РФ отметила, что задержание Ф.И. Семьяна было произведено 1 ноября 2008 г. в строгом соответствии с требованиями пп. 1–3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, непосредственно после совершения преступления. После доставления в следственное управление Следственного комитета при прокуратуре РФ был составлен протокол задержания. Вот конкретный пример. Постановление о возбуждении уголовного дела предъявили задержанному только на следующий день. Однако сам по себе этот факт, как указал суд, не нарушил право Ф.И. Семьяна на защиту. Почему? Потому что при задержании ему разъяснили все процессуальные права, включая право на защиту. Замечаний к протоколу он не высказывал, а свою копию протокола получил в день задержания. Ходатайство о допуске защитника он заявил на следующий день, и после этого адвокат участвовал и в предварительном расследовании, и в судебном разбирательстве.

URL: <https://www.zakonrf.info/mirsud/doc-741fb28a-7833-56c4-bf8f-c41d0a90a148> (дата обращения: 25.01.2026).

¹ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 18 ноября 2009 г. по уголовному делу (о проверке законности задержания) // Судебная практика.

Этот пример хорошо показывает: момент фактического задержания совпал с юридическим оформлением этой меры принуждения. Именно поэтому суд и признал действия органов расследования законными.

Но есть и другие процессуальные гарантии. Например, обязанность уведомить близких родственников задержанного. Перечень лиц и органов, которые должны быть уведомлены, указан в статье 96 УПК РФ. Туда входят, в частности, командир воинской части, если задержан военнослужащий. И важное правило: такое уведомление должно быть произведено не позднее трёх часов с момента, как задержанного доставили к дознавателю или следователю.

Особое место в системе процессуальных действий, связанных с задержанием, занимает личный обыск подозреваемого. Возможность его проведения предусмотрена ст. 93 УПК РФ, а порядок – ст. 184 УПК РФ. Личный обыск в общем порядке допускается только на основании судебного решения. Проведение обыска без такового, хотя и допускается в неотложных случаях, подлежит последующей судебной проверке, направленной на установление обоснованности и безотлагательности соответствующих действий. Тем самым обеспечивается дополнительная гарантия защиты прав – лица, подвергнутого обыску¹.

Часть 3 статьи 10 УПК РФ обязывает государство обеспечить задержанным такие условия содержания, которые исключали бы угрозу их жизни и здоровью. А статья 95 УПК РФ отсылает к специальному федеральному закону, который регулирует эти вопросы. Речь идёт о Федеральном законе от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Он определяет порядок и условия содержания задержанных в изоляторах временного содержания, устанавливает требования к режиму, материально-бытовому обеспечению и медицинскому обслуживанию².

¹ Лукьянова А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России: монография / А.А. Лукьянова, Д.В. Ким. М.: Юрлитинформ, 2026. С. 89-91.

² О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых: федер. закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

Срок задержания в уголовном процессе жёстко ограничен. По пункту 11 части 1 статьи 5 УПК РФ он составляет 48 часов. По истечении этого времени лицо подлежит освобождению, если только в отношении него не избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (в порядке статьи 100 УПК РФ). В исключительных случаях суд может продлить срок задержания, но не более чем на 72 часа – это предусмотрено пунктом 3 части 7 статьи 108 УПК РФ.

В целом, если посмотреть на нормы УПК РФ, основания, порядок и пределы ограничения права на личную неприкосновенность при задержании прописаны законодателем достаточно детально.

Как уже говорилось, мера пресечения в виде заключения под стражу может применяться и к обвиняемому, и к подозреваемому. Однако в отношении подозреваемого она носит строго ограниченный и временный характер. Причина понятна: это самая интенсивная форма вмешательства в личную свободу.

Если подозреваемому избрали заключение под стражу, закон обязывает органы предварительного расследования предъявить ему обвинение в установленный срок. Согласно части 1 статьи 100 УПК РФ, обвинение должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента избрания меры пресечения либо с момента задержания. В таком регулировании отражается общий подход законодателя: нужно балансировать между интересами уголовного преследования и защитой прав личности. Исследователи справедливо отмечают: никто не должен подвергаться серьёзным ограничениям прав без достаточных процессуальных оснований. Поэтому заключение под стражу для подозреваемого – это исключение из общего правила, временная мера, призванная обеспечить нормальный ход расследования.

Здесь важно обратить внимание на одну деталь. В части 1 статьи 100 УПК РФ законодатель использует формулировку «момент задержания», а не «момент фактического задержания». Это принципиально. По нашему мнению, срок нужно исчислять с момента юридического, то есть уголовно-

процессуального, задержания – оформленного протоколом. А не с момента, когда свободу передвижения человека фактически ограничили¹.

Из этого десятидневного правила есть исключение. Часть 2 статьи 100 УПК РФ содержит перечень преступлений повышенной общественной опасности – в основном посягающих на общественную безопасность, основы государственной власти и безопасность человечества. Для таких деяний срок предъявления обвинения подозреваемому под стражей увеличен до 45 суток. Причина в сложности расследования: требуется большой объём следственных и оперативно-розыскных мероприятий.

Заключение под стражу избирается исключительно на основании судебного решения. Основание для обращения в суд – мотивированное постановление следователя или дознавателя о возбуждении ходатайства. Судебный контроль здесь обязателен, что соответствует конституционным принципам защиты личной свободы и судебной гарантии прав человека.

Правовые позиции по порядку избрания заключения под стражу разъяснил Пленум Верховного Суда РФ. В пункте 2 Постановления от 19 декабря 2013 г. № 41 указано: при рассмотрении ходатайства об избрании этой меры суд обязан проверить обоснованность подозрения в причастности лица к преступлению. А это значит – проанализировать содержание ходатайства и приложенные материалы: есть ли конкретные сведения, указывающие именно на причастность данного лица к инкриминируемому деянию².

Тот же подход работает и в практике судов Брянской области. Например, Советский районный суд города Брянска избрал заключение под стражу жителю региона, обвиняемому в тяжком преступлении (постановление суда от 4 июля 2025 года). Суд оценил доводы следствия и пришёл к выводу: оснований считать обвиняемого причастным достаточно. Это и послужило законным основанием для самой строгой меры пресечения. Аналогично

¹ Манова Н.С. Уголовный процесс: учебник для СПО / Н.С. Манова, Ю. В. Францифоров; под ред. Н.С. Мановой. М.: Юстиция, 2026. С. 55.

² Масленникова Л.Н. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий: монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 65-67.

Брянский областной суд подтвердил законность заключения под стражу в отношении другого местного жителя, обвиняемого в убийстве и других тяжких преступлениях. Апелляционная инстанция оставила постановление суда первой инстанции без изменения, указав, что мера пресечения необходима для надлежащего хода дела, предотвращения опасности для общества и исключения риска помешать расследованию.

Указанный подход к проверке обоснованности ходатайства о мере пресечения находит своё отражение и в практике судов Брянской области. Так, по материалам уголовного дела Советский районный суд города Брянска избрал меру пресечения в виде заключения под стражу в отношении жителя региона, обвиняемого в совершении тяжкого преступления, о чём свидетельствует соответствующее постановление суда от 4 июля 2025 года. Суд, оценивая доводы следствия, пришёл к выводу о наличии достаточных оснований считать обвиняемого подозреваемым в инкриминируемом деянии, что послужило законным основанием для применения самой строгой меры пресечения в виде содержания под стражей¹.

Аналогично, Брянский областной суд подтвердил законность меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении ещё одного местного жителя, обвиняемого в убийстве и других тяжких преступлениях. Апелляционная инстанция оставила постановление суда первой инстанции без изменения², указав на обоснованность выводов о необходимости применения данной меры пресечения с целью обеспечения надлежащего хода уголовного судопроизводства, предотвращения опасности для общества и исключения риска воспрепятствования расследованию.

Срок содержания под стражей на стадии предварительного расследования по общему правилу составляет два месяца. Вместе с тем в ст.

¹ Постановление Советского районного суда г. Брянска от 4 июля 2025 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Официальный сайт судов общей юрисдикции Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

² Апелляционное определение Брянского областного суда по делу о проверке законности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Официальный сайт судов общей юрисдикции Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

109 УПК РФ детально регламентированы основания, порядок и предельные сроки его продления, что направлено на недопущение неоправданного и чрезмерного ограничения личной свободы обвиняемого. Каждое продление срока требует надлежащего процессуального обоснования и подлежит судебному контролю.

Условия содержания лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, определяются специальным федеральным законодательством. В частности, Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ устанавливает порядок содержания под стражей, требования к режиму, материально-бытовым условиям и медицинскому обеспечению, что служит дополнительной гарантией защиты прав и законных интересов содержащихся под стражей лиц¹.

Подводя итог, можно сказать: заключение под стражу – самая строгая мера пресечения, связанная с глубоким вмешательством в личную неприкосновенность. Поэтому уголовно-процессуальный закон закрепляет исчерпывающий перечень критериев и условий её применения. Как и в случае с задержанием, ключевую роль играют характер и тяжесть преступления, наличие в санкции статьи наказания в виде лишения свободы, а также данные о личности подозреваемого или обвиняемого, его поведении и процессуальном статусе. Суд обязан оценить все эти обстоятельства, прежде чем принять решение об избрании данной меры пресечения².

§ 2 Уголовно-процессуальные гарантии неприкосновенности личности

Переходя к анализу процессуальных гарантий неприкосновенности личности, прежде всего необходимо определить содержание самого понятия уголовно-процессуальных гарантий, поскольку именно через него

¹ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2759.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 210.

раскрывается механизм защиты прав и свобод человека в сфере уголовного судопроизводства¹.

Проблема сущности и содержания уголовно-процессуальных гарантий на протяжении длительного времени является предметом научных дискуссий. В юридической доктрине выработано несколько подходов к их пониманию, отличающихся по степени широты охвата и акцентам на отдельных элементах правового регулирования².

В ряде исследований уголовно-процессуальные гарантии рассматриваются как совокупность правовых средств, закреплённых в законе и направленных на надлежащее осуществление правосудия, защиту прав и свобод личности, а также достижение целей уголовного судопроизводства. В рамках данного подхода акцент делается на нормативную природу гарантий и их функциональное назначение в процессе расследования и рассмотрения уголовных дел.

Иной подход предполагает более расширительное толкование рассматриваемого понятия. Так, В.Н. Махов подчеркивает, что уголовно-процессуальные гарантии включают не только правовые предписания, закреплённые в уголовно-процессуальном законе, но и практическую деятельность государственных органов, должностных лиц и иных участников процесса, направленную на реализацию и обеспечение прав и законных интересов лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство. Тем самым гарантии понимаются как единство нормативного регулирования и правоприменительной деятельности³.

Согласно ещё одной точке зрения, уголовно-процессуальные гарантии образуют целостную систему правовых средств, обеспечивающих эффективное решение задач уголовного судопроизводства и охрану законных интересов всех участников процесса. В рамках данного подхода особое

¹ Давлетов А.А. Указ. соч. С. 120.

² Там же. С. 98.

³ Махов В.Н. Иммуниеты в уголовном праве и процессе : учебное пособие / В. Н. Махов, Н. А. Колоколов. М.: Юрайт, 2025. С. 123-133.

значение придаётся строгому соблюдению процессуальных форм и принципов, закреплению прав участников уголовного процесса, созданию условий для их реализации, а также точному и добросовестному исполнению обязанностей органами и должностными лицами, осуществляющими уголовно-процессуальную деятельность¹.

Обобщая приведённые научные позиции, можно выделить ряд общих признаков уголовно-процессуальных гарантий. К их числу относятся системный характер правовых средств, направленность на защиту и охрану прав и свобод участников уголовного судопроизводства, а также функциональная связь с достижением задач, закреплённых в уголовно-процессуальном законе.

Применительно к праву на неприкосновенность личности уголовно-процессуальные гарантии проявляются прежде всего в реализации целей уголовного судопроизводства, закреплённых в п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, а именно в защите личности от незаконного и необоснованного ограничения её прав и свобод. Данная цель выступает фундаментальным ориентиром для всей системы процессуального регулирования и определяет содержание конкретных гарантий, направленных на предотвращение произвольного вмешательства государства в сферу личной свободы.

Существенную роль в обеспечении неприкосновенности личности играет ст. 9 УПК РФ, устанавливающая запрет на осуществление в ходе уголовного судопроизводства действий и принятие решений, унижающих честь и достоинство личности либо создающих угрозу её жизни и здоровью. Указанная норма, как верно отмечается в научной литературе С.А. Новикова, «глубоко пропитана человеколюбием» и представляет собой практическую реализацию положений ст. 8 Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г., а также ст. 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Данная норма распространяется, в том числе, на лиц, в отношении которых применены

¹ Никитина В.С. Неприкосновенность как категория теории права: диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.1 / Никитина Валентина Сергеевна. М., 2025. С. 34-36.

меры процессуального принуждения, связанные с ограничением свободы, и выступает важнейшей процессуальной гарантией гуманного обращения¹.

Содержание указанных понятий получило развитие в правовых позициях Верховного Суда Российской Федерации. В частности, в абз. 3 п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 разъясняется, что бесчеловечным признаётся обращение, которое, как правило, носит преднамеренный характер, продолжается в течение значительного времени и влечёт причинение реального физического вреда либо тяжёлых физических или психических страданий². Унижающим достоинство признаётся такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности. Данные разъяснения корреспондируют с положениями ч. 3 ст. 10 УПК РФ, в которой закреплена обязанность государства обеспечивать такие условия содержания задержанных и лиц, заключённых под стражу, которые исключают угрозу их жизни и здоровью³.

В юридической литературе обоснованно предлагается дополнить ст. 9 УПК РФ частью третьей следующего содержания: «Каждому, чьи честь и достоинство при производстве по уголовному делу были унижены, гарантируется их восстановление предусмотренными настоящим Кодексом способами и справедливая компенсация причиненного морального вреда»⁴. Кроме того, заслуживает внимания предложение о признании недопустимыми доказательствами любых сведений об обстоятельствах уголовного дела,

¹ Новиков С.А. Адвокатская тайна и свидетельский иммунитет: монография / С.А. Новиков. М.: Статут, 2025. С. 34-36.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Рима. 2001. № 2. Ст. 163. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160 (дата обращения: 25.01.2026).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 207.

полученных в результате унижения чести и достоинства любого участника следственного действия.

В контексте рассматриваемой проблемы особое значение приобретает ещё одна уголовно-процессуальная гарантия – гарантия возмещения вреда, причинённого в результате незаконного или необоснованного задержания либо заключения под стражу. Данная гарантия реализуется в рамках института реабилитации, закреплённого в главе 18 УПК РФ, и направлена на восстановление нарушенных прав лица, а также компенсацию причинённого ему имущественного и морального вреда.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (статья 53). Под реабилитацией в уголовном судопроизводстве понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (пункт 34 статьи 5 УПК РФ).

Право на реабилитацию имеют лица, уголовное преследование которых признано незаконным или необоснованным судом первой инстанции по основаниям, предусмотренным в части 2 статьи 133 УПК РФ, а также лица, в отношении которых уголовное преследование прекращено по указанным основаниям на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Возмещение лицу имущественного вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, устранение последствий морального вреда и восстановление его в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах осуществляются по основаниям и в порядке, предусмотренным статьями 133–139, 397, 399 УПК РФ¹.

Показательным примером реализации гарантий защиты неприкосновенности личности является судебная практика по делам о

¹ Победкин А.В. Следственные действия: монография / А.В. Победкин, В.Н. Яшин. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 102-104.

компенсации вреда, причинённого незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения. Так, в одном из дел, рассмотренных судами Брянской области, житель г. Брянска обратился в суд с иском к следственным органам о взыскании компенсации морального вреда, мотивируя свои требования незаконным содержанием в изоляторе временного содержания после того, как следственные действия, послужившие основанием для задержания, были фактически завершены (из материалов практики). Данный пример наглядно демонстрирует, что нарушение сроков и оснований содержания под стражей влечет применение компенсаторных механизмов, предусмотренных главой 18 УПК РФ.

При рассмотрении подобных дел суды Брянской области исходят из необходимости оценки не только формального соблюдения процессуальных норм, но и соблюдения фундаментальных прав личности. Так, в одном из постановлений Советского районного суда города Брянска суд отметил, что длительное содержание лица в изоляторе временного содержания при отсутствии законных оснований фактически превращает процессуальную меру принуждения в бесконтрольное ограничение свободы. Суд также сослался на правовые позиции, изложенные в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5, определяющие признаки бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, и пришёл к выводу о наличии оснований для удовлетворения требований истца о компенсации морального вреда.

В обоснование своей позиции суд подчеркнул, что оценка условий содержания, длительности ограничения свободы и характера пережитых страданий должна осуществляться с учётом не только процессуального формализма, но и содержания международных стандартов защиты прав человека, действующих на территории Российской Федерации. Такой подход позволил суду признать нарушение прав истца и удовлетворить его исковые требования в соответствующей части.

Судебная практика Брянской области подтверждает, что вопрос о возмещении вреда, причинённого незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения, носит комплексный характер и затрагивает как процессуальные, так и материальные гарантии защиты личности. Данный механизм не может рассматриваться исключительно как гражданско-правовой институт, поскольку нормотворец наделил уголовно-процессуальный закон нормами, обеспечивающими как оценку законности применения мер процессуального принуждения, так и восстановление нарушенных прав через возмещение вреда в рамках уголовного судопроизводства.

Посмотрим, что говорят статьи 133 и 135 УПК РФ. Если лицо признано реабилитированным – скажем, вынесен оправдательный приговор или уголовное преследование прекращено по реабилитирующим основаниям, – то вопрос о возмещении имущественного вреда решается в рамках уголовного судопроизводства. При этом применяется специальный порядок, установленный статьёй 399 УПК РФ. Это как раз и подчёркивает: перед нами уголовно-процессуальная гарантия.

Но законодатель предусмотрел механизм компенсации и для тех, кто подвергался незаконному принуждению (задержанию или заключению под стражу), но реабилитированным так и не был признан. В таких случаях имущественный вред тоже возмещается в рамках уголовного процесса, однако одновременно подключаются нормы гражданского законодательства о защите нарушенных личных неимущественных прав¹.

Конкретный пример: часть 1 статьи 1070 ГК РФ устанавливает, что вред от незаконного заключения под стражу возмещается в полном объёме за счёт казны (Российской Федерации, субъекта или муниципального образования) – и при этом неважно, виновны должностные лица или нет. Но есть нюанс: часть 2 статьи 136 УПК РФ говорит, что моральный вред реабилитированному лицу компенсируется уже по правилам гражданского судопроизводства.

¹ Русман Г.С. Парламентская неприкосновенность в уголовном процессе России: монография / Г.С. Русман, А.Д. Прошляков. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 23-26.

Получается, институт возмещения вреда от незаконного уголовного преследования или применения мер принуждения носит комплексный характер. Он одновременно выступает и как уголовно-процессуальная, и как гражданско-правовая гарантия защиты неприкосновенности личности.

И здесь важно добавить, что процессуальные гарантии тесно переплетены с уголовно-правовыми средствами защиты. Статья 302 УК РФ, например, устанавливает ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Это дополнительный фактор, который предупреждает произвольное ограничение личной свободы.

Правовые позиции по квалификации незаконного задержания разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 28 июня 2022 г. № 20. Согласно пункту 2 этого постановления, к признакам незаконного задержания относятся: умышленный характер действий должностного лица; отсутствие оснований и условий, предусмотренных статьёй 91 УПК РФ; а также бездействие – например, когда задержанного не освобождают по истечении законного срока¹.

Кроме того, УК РФ предусматривает ответственность и за другие преступления, которые могут привести к незаконному ограничению неприкосновенности личности или хотя бы создать видимость законности применения мер принуждения. Статья 299 УК РФ наказывает за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности – это когда следователь выносит постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявляет необоснованное обвинение. А как уже отмечалось, статус обвиняемого нередко тянет за собой меры пресечения, вплоть до заключения под стражу.

Статья 302 УК РФ устанавливает ответственность за принуждение подозреваемого или обвиняемого к даче показаний – включая угрозы физическим насилием. А части 2–4 статьи 303 УК РФ – за фальсификацию доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-розыскной

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. 2022. № 151.

деятельности, особенно если это делается для уголовного преследования непричастного лица или для причинения вреда его чести, достоинству и деловой репутации¹.

Все эти уголовно-правовые нормы усиливают и дополняют процессуальные гарантии, закреплённые, в частности, в статье 9 УПК РФ (запрет действий и решений, унижающих честь и достоинство личности либо создающих угрозу её жизни и здоровью). В совокупности они формируют многоуровневый механизм защиты неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве, предупреждают нарушения и помогают восстанавливать нарушенные права.

Возвращаясь к уголовно-процессуальным гарантиям, стоит подчеркнуть: в системе обеспечения законности и обоснованности ограничения неприкосновенности личности особое место занимает адвокат. Участие защитника – это один из ключевых механизмов, который предотвращает произвольное вмешательство государства в личную свободу. И одновременно – важнейший элемент состязательности и равноправия сторон².

Согласно части 1 статьи 16 УПК РФ, подозреваемому и обвиняемому гарантируется право на защиту. Оно имеет конституционную природу и опирается как на Конституцию РФ, так и на международные нормы и договоры. Конкретный порядок реализации этого права уже прописан в уголовно-процессуальном законодательстве. А обеспечивать право на защиту обязано государство – это рассматривается как обязательное условие справедливого правосудия.

Как уже показывалось в первом параграфе, защита прав и интересов лица, чью неприкосновенность ограничили задержанием или заключением под стражу, эффективна только при одном условии: защитник должен быть допущен с самого момента применения этих мер. Присутствие адвоката на

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996 № 25. Ст. 299, 303.

² Сверчков В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.В. Сверчков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2026. С. 48-49.

ранних стадиях процесса позволяет контролировать законность действий должностных лиц, вовремя фиксировать нарушения и использовать все предусмотренные законом средства для их пресечения¹.

Наряду с деятельностью защитника важнейшей процессуальной гарантией обеспечения неприкосновенности личности выступает прокурорский надзор за законностью предварительного расследования. В научной литературе обоснованно подчёркивается, что именно прокурорский надзор играет системообразующую роль в механизме защиты прав и свобод личности на досудебных стадиях уголовного процесса².

Полномочия прокурора в данной сфере носят комплексный характер и направлены на предупреждение и устранение нарушений, связанных с незаконным ограничением личной свободы. В частности, они выражаются в своевременном реагировании на случаи необоснованного либо незаконного применения к подозреваемым и обвиняемым мер процессуального принуждения; принятии мер прокурорского реагирования при нарушении сроков уведомления о задержании; проведении проверок соблюдения установленного порядка задержания и обеспечения прав задержанных, а также соответствия сведений, отражённых в протоколе задержания, материалам уголовного дела.

Кроме того, прокурор уполномочен пресекать практику задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, под видом применения мер административного принуждения; незамедлительно рассматривать жалобы на незаконность задержания и нарушения прав задержанных; принимать решения об освобождении лиц, незаконно лишённых свободы, включая случаи незаконного содержания под стражей либо помещения в медицинские стационары. Существенное значение имеет и участие прокурора в судебных

¹ Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 764-766.

² Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

заседаниях при рассмотрении ходатайств об избрании либо продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также дача согласия дознавателю на обращение в суд с соответствующим ходатайством¹.

Перечисленные процессуальные гарантии в своей совокупности имеют принципиальное значение для признания ограничения неприкосновенности личности законным и обоснованным. Они находят отражение в основных принципах уголовного судопроизводства и конкретизируются в нормах уголовно-процессуального закона, детально регламентирующих процедуру применения мер, связанных с лишением или ограничением свободы.

Проведённый анализ процессуальных гарантий подтверждает также вывод, сформулированный в первой главе настоящей работы, о том, что право на неприкосновенность личности не сводится исключительно к защите физической свободы. Оно включает в себя и охрану психической свободы личности, предполагающую недопустимость такого процессуального обращения, которое причиняет необоснованные моральные страдания, унижает человеческое достоинство либо оказывает разрушительное воздействие на психическое состояние лица. В этом аспекте уголовно-процессуальные гарантии выступают не только средством формального соблюдения закона, но и важнейшим инструментом обеспечения гуманистической направленности уголовного судопроизводства.

§ 3 Проблемы реализации принципа неприкосновенности личности и пути их решения

После анализа понятийного аппарата и определения пределов допустимости ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе представляется необходимым обратиться к рассмотрению проблем, возникающих в правоприменительной деятельности при реализации

¹ Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования / А. Б. Смушкин // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 498. С. 576-578.

соответствующего принципа. Несмотря на детальную регламентацию рассматриваемых вопросов в уголовно-процессуальном законодательстве, практика свидетельствует о наличии ряда дискуссионных и нерешённых аспектов¹.

Одной из наиболее актуальных проблем реализации принципа неприкосновенности личности является вопрос о допустимости задержания лица до возбуждения уголовного дела. Особую сложность данная проблема приобретает в случаях, когда лицо задерживается непосредственно при совершении преступления либо сразу после его совершения. В подобных ситуациях необходимость оперативного реагирования со стороны правоохранительных органов вступает в определённое противоречие с требованиями уголовно-процессуальной формы и гарантиями защиты прав личности.

Как было установлено в первом параграфе второй главы настоящего исследования, задержание подозреваемого возможно как в рамках уже возбужденного уголовного дела, так и при наличии обстоятельств, предусмотренных статьёй 91 УПК РФ. Если в первом случае процессуальный порядок применения задержания является достаточно определённым, то во втором возникают вопросы, связанные с моментом возникновения процессуального статуса подозреваемого, обеспечением права на защиту и соблюдением гарантий неприкосновенности личности, что обуславливает наличие различных подходов в научной литературе и правоприменительной практике².

В доктрине высказывается позиция, согласно которой задержание допустимо исключительно в момент возбуждения уголовного дела. Обосновывая данную точку зрения, отдельные авторы указывают на то, что орган дознания, дознаватель или следователь не связаны необходимостью согласования решения о возбуждении уголовного дела с прокурором, а потому

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 210.

² Давлетов А.А. Указ. соч. С. 198.

могут одновременно принять решение о возбуждении уголовного дела и применить меру процессуального принуждения в виде задержания. Исходя из этой логики, задержание без предварительного возбуждения уголовного дела рассматривается как излишнее и потенциально опасное с точки зрения защиты прав личности¹.

В то же время в научной литературе обоснованно высказывается и противоположная позиция, согласно которой задержание до возбуждения уголовного дела в ряде случаев является объективно неизбежным. Внезапность возникновения оснований для задержания, необходимость немедленного пресечения преступления или предотвращения побега подозреваемого фактически исключают возможность предварительного процессуального оформления всех решений, что требует признания допустимости фактического задержания до возбуждения уголовного дела².

Анализ норм УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что законодатель фактически допускает подобную ситуацию. Так, вначале может иметь место фактическое задержание, под которым понимается реальное лишение лица свободы передвижения по подозрению в совершении преступления. Лишь после доставления задержанного к дознавателю или следователю осуществляется процессуальное оформление задержания путём составления соответствующего протокола в срок не более трёх часов. Следовательно, момент фактического ограничения свободы и момент юридического оформления задержания могут не совпадать во времени.

На практике данное расхождение усугубляется тем, что непосредственное задержание, как правило, осуществляется сотрудниками полиции, тогда как процессуальное оформление производится уже должностными лицами, ведущими расследование. При этом действующие нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность

¹ Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 877-879.

² Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 215.

правоохранительных органов, зачастую содержат лишь общие указания, не раскрывая конкретные способы и пределы реализации полномочий по задержанию и доставлению подозреваемого. В результате временной промежуток между фактическим задержанием и его процессуальным оформлением приобретает неопределённый характер, что создает риски нарушения права на неприкосновенность личности¹.

В этой связи представляется обоснованной критика подхода, согласно которому органы предварительного расследования должны возбуждать уголовное дело непосредственно в момент задержания лица. В условиях реальной оперативной обстановки такое требование не всегда выполнимо и может привести к формальному соблюдению закона в ущерб его целям².

В научной литературе А.Б. Смушкин высказывает следующее предложение по установлению допустимых временных пределов между фактическим задержанием и доставлением подозреваемого к дознавателю или следователю. Так, предлагается ограничить данный промежуток девятью часами, исходя из совокупного толкования норм о сроках уведомления прокурора и времени, отводимого на составление протокола задержания. Подобный подход направлен на повышение определённости правового регулирования и усиление гарантий защиты прав задержанного³.

Ещё одна существенная проблема связана с реализацией права на защиту с момента фактического задержания. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ подозреваемый имеет право на участие защитника с момента фактического задержания. Однако практическая реализация данного положения вызывает значительные затруднения.

В ситуации, когда лицо доставляется к следователю или дознавателю и задержание оформляется процессуально одновременно с разъяснением прав,

¹ Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Н. С. Мановой Ю.В. Францифорова. М.: Юстиция, 2026. С. 244-245.

² Цоколова О.И. Задержание подозреваемого в совершении преступления: монография / О.И. Цоколова. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 123-124.

³ Смушкин А.Б. Об экосистеме предварительного расследования / А.Б. Смушкин // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 242-247.

участие адвоката не вызывает принципиальных сложностей. Иная ситуация складывается, когда фактическое задержание и его процессуальное оформление разнесены во времени. Формально из логики закона следует, что при задержании лица на месте совершения преступления защитник должен быть допущен с этого же момента. Однако в реальных условиях такая модель практически не реализуема¹.

Как уже отмечалось в первом параграфе первой главы настоящей работы, разъяснение прав подозреваемому, включая право пользоваться помощью защитника, осуществляется после его доставления к дознавателю или следователю. Это обстоятельство неоднократно отмечалось в научных исследованиях и указывает на наличие внутреннего противоречия между нормативным регулированием и практикой его применения.

В целях устранения указанной коллизии в доктрине предлагаются различные подходы. Так, высказывается мнение о целесообразности связывать момент допуска защитника с моментом доставления задержанного к дознавателю или следователю. Согласно иной позиции, участие защитника должно начинаться с момента процессуального оформления статуса подозреваемого, поскольку именно с этого момента лицо приобретает соответствующий объём процессуальных прав и обязанностей².

Представляется, что отсутствие единообразного подхода к определению момента начала реализации права на защиту негативно сказывается на обеспечении принципа неприкосновенности личности и требует дальнейшего нормативного уточнения. До устранения данных пробелов судебная и следственная практика неизбежно будет сталкиваться с ситуациями, в которых формальное соблюдение закона не обеспечивает реальной защиты прав задержанного³.

¹ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 220.

² Давлетов А.А. Указ. соч. С. 210.

³ Шаров Д.В. Право на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе: монография / Д.В. Шаров. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 43-45.

Когда речь заходит о реализации принципа неприкосновенности личности, особого внимания заслуживает срок задержания. По закону он исчисляется с момента фактического задержания лица. Что это значит на практике? В общий предельный срок в 48 часов включается и то время, которое уходит на доставление задержанного к дознавателю или следователю. Исследователи справедливо подсчитывают: даже если принять за условно допустимый девятичасовой промежуток на доставление и последующее оформление протокола, то на проведение процессуальных действий и принятие ключевых решений остаётся от силы 39 часов.

Процессуалисты обоснованно указывают: такая временная модель ставит органы предварительного расследования в крайне жёсткие рамки. С одной стороны, на них лежит обязанность соблюдать принцип неприкосновенности личности и охранять права и свободы человека и гражданина (статьи 10 и 11 УПК РФ). С другой стороны, те же 39 часов – это очень мало для полноценного допроса, сбора доказательств, оценки обстоятельств и принятия взвешенного решения о мере пресечения. Получается, что закон формально гарантирует права, но временные ограничения объективно толкают следствие к ускоренным, а порой и формальным процедурам. С другой стороны, в пределах ограниченного времени следственные органы обязаны провести значительный объем процессуальных действий, дать правовую оценку полученным сведениям и принять решения, имеющие принципиальное значение для дальнейшего хода уголовного дела. Указанное противоречие объективно создает предпосылки для нарушений прав лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений¹.

Еще одной проблемой, непосредственно затрагивающей неприкосновенность личности, является допустимость проведения личного обыска в момент фактического задержания – до возбуждения уголовного дела и до процессуального оформления статуса задержанного. В доктрине обоснованно подчеркивается, что личный обыск относится к числу

¹ Гимазетдинова И.Н. Указ. соч. 2024. С. 123-144.

следственных действий и, как правило, может осуществляться лишь после возбуждения уголовного дела, поскольку именно с этого момента начинается стадия предварительного расследования, в рамках которой допускается применение процессуального принуждения¹.

Вместе с тем на практике встречаются случаи подмены личного обыска административно-процессуальным действием в виде личного досмотра, проводимого в порядке, предусмотренном КоАП РФ. Подобная практика не может быть признана правомерной, поскольку личный досмотр допустим исключительно при наличии признаков административного правонарушения и не может использоваться в целях уголовного преследования. На недопустимость таких подмен неоднократно указывали органы прокуратуры, подчеркивая, что подобные действия фактически обходят гарантии, закрепленные уголовно-процессуальным законодательством².

В целях устранения выявленных коллизий в научной литературе предлагаются различные варианты совершенствования правового регулирования. В частности, С.А. Рябчиков высказывается предложение о введении в УПК РФ самостоятельного процессуального понятия «задержанный», под которым следует понимать лицо, принудительно доставленное в связи с предполагаемой причастностью к совершению преступления³. Иные авторы предлагают использовать термин «заподозренный», подчеркивая тем самым особый, промежуточный статус лица на стадии возбуждения уголовного дела, еще не обладающего полным объемом прав подозреваемого.

Анализ указанных подходов позволяет сделать вывод о том, что действующее законодательство недостаточно четко разграничивает правовой

¹ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение : монография / С.А. Шейфер. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 111-112.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

³ Рябчиков С.А. Электронный документооборот как центральное звено цифровой платформы уголовного судопроизводства / С.А. Рябчиков // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы VI всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2024. С. 109–114.

статус лица в момент фактического задержания и после его процессуального оформления. Это, в свою очередь, негативно сказывается на реализации права на защиту и иных процессуальных гарантий. Здесь стоит поддержать позицию А.Б. Смушкина. Он предлагает связывать момент допуска защитника не с моментом фактического задержания, а с моментом доставления лица к дознавателю или следователю. С практической точки зрения такой подход выглядит реалистичнее. И главное – он лучше соответствует реальным условиям задержания¹.

Если обобщить всё сказанное о проблемах реализации принципа неприкосновенности личности (сроки задержания, личный обыск на стадии возбуждения дела), то можно выделить несколько правовых коллизий. Вот первая и, пожалуй, самая острая. Установленный 48-часовой срок исчисляется с момента фактического задержания. Но в эти 48 часов входит и время на доставление задержанного. В итоге на производство неотложных следственных действий и принятие процессуальных решений остаётся гораздо меньше времени, чем предполагает закон. А это уже прямая предпосылка для нарушений прав задержанных². Во-вторых, отсутствие четкой процессуальной регламентации личного обыска на стадии возбуждения уголовного дела порождает практику подмены его личным досмотром по правилам КоАП РФ, что фактически нивелирует уголовно-процессуальные гарантии неприкосновенности личности. В целях устранения выявленных недостатков предлагается:

1) изложить п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ в редакции, связывающей момент допуска защитника с моментом доставления задержанного лица в орган дознания либо к следователю;

¹ Смушкин А.Б. Указ. соч. С. 142–147.

² Шестакова С.Д. Неприкосновенность личности и права подозреваемого в уголовном процессе : учебное пособие / С.Д. Шестакова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. С. 34–36.

2) ввести в УПК РФ самостоятельное процессуальное понятие «задержанный» либо «заподозренный» для четкого разграничения правового статуса лица на стадии возбуждения уголовного дела;

3) унифицировать правовое регулирование личного обыска на стадии возбуждения уголовного дела, исключив возможность его подмены административно-процессуальными действиями.

Заключение под стражу представляет собой наиболее строгую меру пресечения, сопряжённую с существенным ограничением личной свободы. В связи с этим уголовно-процессуальный закон устанавливает чёткие критерии и основания её применения, которые, как и в случае задержания, зависят от характера и тяжести совершённого преступления, наличия в санкции уголовно-правовой нормы наказания в виде лишения свободы, а также данных о личности подозреваемого или обвиняемого и его поведении¹.

Уголовно-процессуальные гарантии играют ключевую роль в признании ограничения неприкосновенности личности законным и обоснованным. Они закреплены в принципах уголовного процесса и конкретизированы в нормах, регламентирующих процедуру применения мер процессуального принуждения².

В то же время анализ уголовно-процессуального законодательства и научных источников свидетельствует о наличии ряда проблем, возникающих при реализации принципа неприкосновенности личности. В первую очередь они связаны с допустимостью задержания до возбуждения уголовного дела, неопределённостью правового статуса задерживаемого лица и сложностями в обеспечении его права на защиту. Указанные обстоятельства подтверждают необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства и формирования единообразных подходов к его применению.

¹ Юсупов М. Р. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве России: монография / М.Р. Юсупов. М.: Юрлитинформ, 2025. С. 44-46.

² Яшин В.Н. Проблемы обеспечения права на защиту при применении мер процессуального принуждения: монография / В.Н. Яшин, А.В. Победкин. М.: Юрлитинформ, 2024. С. 190-192.

Заключение

Таким образом, по итогам проведённого исследования представляется возможным сформулировать следующие обобщающие выводы.

В ходе работы выяснилось: категории «право на личную неприкосновенность» и «принцип неприкосновенности личности» – не одно и то же, и их нужно чётко разграничивать. Право на личную неприкосновенность – это субъективное право конкретного человека, а принцип неприкосновенности личности – фундаментальное начало уголовного судопроизводства, которое задаёт содержание и направленность всего процессуального регулирования.

Если посмотреть на научные подходы, понятие неприкосновенности личности остаётся дискуссионным. Спорят, в частности, о том, как соотносятся категории «личность» и «человек». В данном исследовании мы обосновали следующую позицию: в контексте этого принципа личностью следует признавать любого человека – независимо от его психического состояния, уровня интеллекта или иных индивидуальных особенностей. Такой подход соответствует гуманистической направленности уголовного процесса и универсальному характеру конституционных гарантий.

Принцип неприкосновенности личности охватывает две сферы: физическую и морально-нравственную. Причём физическая неприкосновенность не сводится к защите личного пространства. Прежде всего это запрет на необоснованное посягательство на личную свободу человека. Поэтому здесь логично использовать расширенную формулировку – принцип свободы и неприкосновенности личности. Она точнее отражает содержание тех благ, которые охраняет закон.

Поскольку этот принцип опирается на Конституцию РФ и международно-правовые акты, он занимает особое место в системе уголовно-процессуальных принципов. Его можно отнести к числу общеправовых (конституционных) принципов. Одновременно он выступает как институциональный и

функциональный принцип уголовного судопроизводства и реализуется на всех его стадиях. Определив место принципа неприкосновенности личности в этой системе, мы лучше понимаем его значение и практическую роль.

А теперь о главном назначении. В уголовном процессе принцип неприкосновенности личности призван гарантировать, чтобы уголовное преследование подозреваемых и обвиняемых не сопровождалось необоснованным ограничением или лишением свободы. Как это обеспечивается на практике? Через систему процессуального контроля. Сюда входит судебное рассмотрение вопросов об избрании и продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. Сюда же – деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры по своевременному освобождению тех, кто задержан или содержится под стражей незаконно.

Если проанализировать нормы УПК РФ, видно: законодатель достаточно подробно прописал, когда и в каких пределах можно ограничивать право на неприкосновенность личности при задержании и заключении под стражу. Однако некоторые положения кодекса остаются спорными и на практике вызывают серьёзные затруднения.

Заключение под стражу – самая строгая мера пресечения. Она связана с наиболее интенсивным вмешательством в личную свободу. Поэтому уголовно-процессуальный закон устанавливает чёткие критерии и основания для её применения. Как и в случае с задержанием, они зависят от характера и тяжести преступления, от того, предусматривает ли санкция статьи реальное лишение свободы, а также от данных о личности подозреваемого (или обвиняемого) и его процессуального поведения.

Огромную роль в обеспечении законности ограничения неприкосновенности личности играют уголовно-процессуальные гарантии. Они закреплены в принципах процесса и конкретизированы в нормах, которые регламентируют порядок применения мер принуждения, деятельность защитника, прокурорский надзор и судебный контроль. Все эти гарантии

действуют вместе, и их совокупный эффект – попытка найти баланс между интересами уголовного преследования и защитой прав личности.

Подводя итог анализу уголовно-процессуального законодательства, а также учебной и монографической литературы, можно сказать: проблем при реализации принципа неприкосновенности личности хватает и в первую очередь они связаны с соблюдением законности при задержании подозреваемого. Почему? Потому что действующее законодательство допускает само задержание до возбуждения уголовного дела, а это объективно сужает возможности для проведения процессуальных действий в отношении задерживаемого лица.

Возьмём, к примеру, личный обыск. Он напрямую затрагивает неприкосновенность личности. По закону такой обыск можно производить только после возбуждения уголовного дела и его нельзя подменять административно-процессуальным личным досмотром. Если такая подмена происходит – а она происходит, – то это прямо противоречит целям уголовного судопроизводства и всей системе процессуальных гарантий.

Вместе с тем отдельные научные предложения заслуживают поддержки и могут способствовать совершенствованию механизма обеспечения неприкосновенности личности в уголовном судопроизводстве. В частности, обоснованной представляется позиция исследователей, предлагающих связывать момент допуска защитника не с фактическим задержанием, а с моментом доставления лица к дознавателю или следователю. Такой подход в большей степени соответствует потребностям правоприменительной практики и способствует более эффективной реализации права на защиту.

В целом наше исследование подтверждает: законодательство нужно дальше совершенствовать, а подходы к реализации принципа неприкосновенности личности – унифицировать. Главная цель при этом – усилить правовые гарантии защиты человека в уголовном судопроизводстве.

Список использованной литературы

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

4. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.

5. О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 1 (ч. I). – Ст. 53.

7. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Российская газета. – 2024. – 11 мая.

8. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной

прокуратуры Российской Федерации от 17 сентября 2021 г. № 544 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства Рима. – 2001. – № 2. – Ст. 163. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160 (дата обращения: 25.01.2026).

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Безлепкин, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие / Б. Т. Безлепкин. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2025. – 608 с.

2. Воскобитова, Л.А. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / Л.А. Воскобитова; под общ. ред. В. М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 936 с.

3. Высокотехнологичный уголовный процесс: монография / под ред. С.В. Зуева, Л.Н. Масленниковой. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 216 с.

4. Гимазетдинова, И.Н. Уголовное дело как комплексная документальная форма представления результатов уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук / И.Н. Гимазетдинова. – М., 2024. – 235 с.

5. Давлетов, А.А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации: учебное пособие / А.А. Давлетов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 348 с.

6. Дикарев, И.С. Право на защиту в уголовном судопроизводстве: монография / И.С. Дикарев. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 168 с.
7. Епихин, А.Ю. Иммунитеты в уголовном процессе: теоретические и прикладные аспекты: монография / А.Ю. Епихин, М.Т. Аширбекова. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 192 с.
8. Зайцева, Е.А. Гарантии независимости участников уголовного судопроизводства: монография / Е.А. Зайцева. – М.: Юстиция, 2025. – 144 с.
9. Казначей, И.В. Использование технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве (пути совершенствования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Казначей. – Волгоград, 2015. – 30 с.
10. Киселева, И.А. Неприкосновенность личности как принцип уголовного судопроизводства России: монография / И.А. Киселева. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 176 с.
11. Ковтун, Н.Н. Судебный контроль в уголовном процессе России: учебное пособие / Н.Н. Ковтун. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 432 с.
12. Лукьянова, А.А. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в уголовном процессе России: монография / А.А. Лукьянова, Д.В. Ким. – М.: Юрлитинформ, 2026. – 168 с.
13. Манова, Н.С. Уголовный процесс: учебник для СПО / Н.С. Манова, Ю.В. Францифоров; под ред. Н.С. Мановой. – М.: Юстиция, 2026. – 358 с.
14. Масленникова, Л.Н. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий: монография / отв. ред. Л.Н. Масленникова. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 664 с.
15. Махов, В.Н. Иммунитеты в уголовном праве и процессе: учебное пособие / В.Н. Махов, Н.А. Колоколов. – М.: Юрайт, 2025. – 288 с.
16. Никитина, В.С. Неприкосновенность как категория теории права: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1 / Никитина Валентина Сергеевна. – М., 2025. – 190 с.

17. Новиков, С.А. Адвокатская тайна и свидетельский иммунитет: монография / С.А. Новиков. – М.: Статут, 2025. – 184 с.

18. Победкин, А.В. Следственные действия: монография / А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 224 с.

19. Прошляков, А.Д. Неприкосновенность судей и иных участников уголовного судопроизводства: монография / А.Д. Прошляков. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 176 с.

20. Русман, Г.С. Парламентская неприкосновенность в уголовном процессе России: монография / Г.С. Русман, А.Д. Прошляков. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 144 с.

21. Рябчиков, С.А. Электронный документооборот как центральное звено цифровой платформы уголовного судопроизводства / С.А. Рябчиков // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы VI всерос. науч.-практ. конф. – Екатеринбург, 2024. – 455 с.

22. Сверчков, В.В. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / В.В. Сверчков. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2026. – 468 с.

23. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. А.В. Смирнова. – 8-е изд., перераб. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 784 с.

24. Смушкин, А.Б. Об экосистеме предварительного расследования / А.Б. Смушкин // Вестник Томского государственного университета. – 2025. – № 498. – 679 с.

25. Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 936 с.

26. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова. – М.: Юстиция, 2026. – 358 с.

27. Цоколова, О.И. Задержание подозреваемого в совершении преступления: монография / О.И. Цоколова. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 168 с.

28. Шаров, Д.В. Право на тайну переписки и неприкосновенность частной жизни в уголовном процессе: монография / Д.В. Шаров. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 152 с.

29. Шейфер, С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: монография / С.А. Шейфер. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 208 с.

30. Шестакова, С.Д. Неприкосновенность личности и права подозреваемого в уголовном процессе: учебное пособие / С.Д. Шестакова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2025. – 128 с.

31. Юсупов, М.Р. Иммунитеты в уголовном судопроизводстве России: монография / М.Р. Юсупов. – М.: Юрлитинформ, 2025. – 160 с.

32. Яшин, В.Н. Проблемы обеспечения права на защиту при применении мер процессуального принуждения: монография / В.Н. Яшин, А.В. Победкин. – М.: Юрлитинформ, 2024. – 192 с.

III. Эмпирические материалы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу» // Российская газета. – 2013. – № 294.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Российская газета. – 2003. – № 207.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 20 «О судебной практике по делам о преступлениях против правосудия» // Российская газета. – 2022. – № 151.

4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 25 апреля 2012 г. № 5-С12-30 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 10. – С. 22.

5. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 18 ноября 2009 г. по уголовному делу (о проверке законности задержания) // Судебная практика.

6. Постановление Советского районного суда г. Брянска от 4 июля 2025 г. об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Официальный сайт судов общей юрисдикции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

7. Апелляционное определение Брянского областного суда по делу о проверке законности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Официальный сайт судов общей юрисдикции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.01.2026).

8. Материалы уголовного дела № 111122*** по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о признании потерпевшим, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, протокол задержания подозреваемого) // Архив следственного отдела Следственного комитета Российской Федерации по Московской области, 2025.

9. Федеральная служба исполнения наказаний России. Сводные статистические сведения о деятельности уголовно-исполнительной системы за 2022–2023 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics> (дата обращения: 25.01.2026).

10. Постановление мирового судьи судебного участка № 342 Красногорского судебного района Московской области от 15 ноября 2023 г. по делу № 1-91/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonrf.info/mirsud/doc-741fb28a-7833-56c4> (дата обращения: 25.01.2026).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству

1

3
081

город

« » декабря 2025 года
15 час 40 минут

Следователь следственного отдела по
следственному управлению Следственного комитета Российской Федерации
по Московской области рассмотрев материал проверки
сообщения о преступлении № пр. и рапорт об обнаружении признаков
преступления от

УСТАНОВИЛ:

В период времени примерно с 12 часов 20 минут по 12 часов 40 минут
29.11.2025 года рождения, находясь
в состоянии алкогольного опьянения по адресу: Московская область,
на участке местности с географическими
координатами .556540, .975034, заведомо зная о несовершеннолетнем возрасте
2012 года рождения, достигшей
двенадцатилетнего возраста, но не достигшей четырнадцатилетнего возраста,
реализуя свой преступный умысел, направленный на удовлетворение своего
полового влечения и половой потребности путем совершения в отношении
развратных действий без применения насилия, предвидя
неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде нарушения ее
половой неприкосновенности, нормального полового,
психического и нравственного развития и желая их наступления, осознавая
противоправный характер и общественную опасность совершаемых им действий,
продемонстрировал последней на экране своего мобильного телефона,
фотоизображение обнаженного мужского полового органа, причинив своими
действиями потерпевшей моральный вред, нравственные страдания и оказывая
развращающее влияние на последнюю.

Поводом для возбуждения настоящего уголовного дела является рапорт об
обнаружении признаков преступления следователя следственного отдела по

ГСУ СК России по Московской области.

Основанием для возбуждения уголовного дела послужило наличие
достаточных данных, указывающих на признаки преступления, предусмотренного
ч. 2 ст. 135 УК РФ - совершение развратных действий без применения насилия
лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, достигшего
двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

Принимая во внимание, что имеются достаточные данные, указывающие
на признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ, руководствуясь
ст.ст. 38 (39, 41), 140, 145, 146 (147) и ч. 1 ст. 156 УПК РФ

ПОСТАНОВИЛ:

1. Возбудить уголовное дело в отношении
года рождения по признакам преступления,
предусмотренного ч. 2 ст. 135 УК РФ;
2. Уголовное дело принять к своему производству и приступить к его
расследованию;
3. Копию настоящего постановления направить
городскому прокурору.
4. О принятом решении уведомить заинтересованных лиц.

Следователь

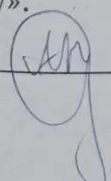

Приложение 2

Рисунок 1 – Динамика численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в 2022–2025 гг.

«Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений, составляющих государственную и служебную тайну».

 И.А. Анохов